

*К 90-летию академика
Дмитрия Сергеевича
Лихачева*

Настоящий том «Трудов Отдела древнерусской литературы» его участники посвящают 90-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева, который более 40 лет возглавляет Отдел и столько же времени является главным редактором «Трудов».

Этот том собрал далеко не всех авторов, кто мог бы с пользой для науки и читателя в нем участвовать, и вместил лишь небольшую часть статей, которые по праву могут и должны быть посвящены юбилею. В течение нескольких последних десятилетий отражение его личности можно видеть в подавляющем большинстве работ, посвященных русской литературе, искусству и культуре XI—XVII вв., во многих работах, посвященных литературе и искусству других славянских народов. Но очень часто влияние его выходит и за эти хронологические пределы, и за эти географические границы, оно становится фактом научной теории, интеллектуальной действительности и духовной жизни.

Масштабный возраст юбилея уже не раз давал повод для чествований, не первый раз его чествуют и «Труды», но в последние годы мы узнали о себе и стране много нового, и это позволяет нам увидеть в новом свете Дмитрия Сергеевича Лихачева и заново оценить результаты его научной деятельности и общественного служения.

В конце прошлого и начале текущего столетия филологическая наука в России пережила совершенно исключительный по размаху период творческого самораскрытия. Его начало было ознаменовано дерзким выступлением гимназиста Алексея Шахматова на диссертационном диспуте молодого магистранта Алексея Ивановича Соболевского в 1882 г. Юный критик отметил несколько промахов, обязанных тому, что в работе были использованы печатные публикации текстов, а не рукописные источники. Урок великого Шахматова пошел на пользу не только великому Соболевскому, но всей русской науке. За три десятилетия обследованию, описанию, иногда весьма тщательному изучению подвергнуты были почти все источники древнерусской письменности. Казалось, следующим поколениям оставались лишь крохи со стола грандиозного пиршества, т. е. скромная инвентаризация, уточнения и поправки. Но даже эта мало увлекательная перспектива исчезла в свете революции. Новая власть не шутя повела наступление на старые культурные традиции, на христианство и другие верования, а вместе с ними — на независимую науку, как если бы именно она служила опорой «религиозному невежеству».

При образовании в 1934 г. Отдела древнерусской литературы директор Пушкинского Дома академик А. С. Орлов указал спасительный путь, который давал легальное прикрытие историко-филологическим исследованиям. Это был путь эстетической критики. После блистательного успеха «формальной школы» новые идеи носились в воздухе. Методы литературного анализа древнерусских текстов уже применял сам А. С. Орлов, а рядом с

ним П. Н. Сакулин, Н. К. Гудзий, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, когда в двух диссертациях (1941, 1947) Д. С. Лихачев разработал вопрос об истории и литературных формах летописи. Это наиболее прагматический, документальный источник. по своему функциональному использованию в наименьшей степени обращенный к читателю и слушателю; тем важнее было открытие в его организации признаков литературного жанра. Так нашел Д. С. Лихачев, по крайней мере для себя, новый подход к древнерусским текстам. В течение двух следующих десятилетий он сумел распространить его почти на весь физический объем сохранившихся от средневековья письменных источников. Обычно такие задачи решает научная школа, здесь с нею справился один исследователь. Его путь лежал через текстологию в двух направлениях: к происхождению литературных форм, т. е. возникновению древнерусской литературы, и к их функционированию, т. е. поэтике и стилистике. После этого сделалось возможным определять древнерусскую литературу как единое целое в ее художественном методе и в различных ее проявлениях.

Вовлечение летописи в круг литературных произведений привело к структурным переменам в предмете. Прежде всего оказалось возможным объединение местных литератур в единый древнерусский литературный процесс, поскольку по своим историческим судьбам именно летопись является главным общерусским произведением, в составлении и редактировании ее приняли участие все книжные центры. Далее, летопись дала средства для построения единой хронологии древнерусской литературы, нашедшей опору в хронологии летописания. Наконец, практика текстологических исследований сложилась в России именно на материале летописи, прежде всего в работах А. А. Шахматова, так что перемещение летописи в центр научных интересов обусловило развитие текстологических приемов исследования.

Широкое применение методов современной текстологии и современного литературоведения к древнерусским текстам имело поразительные результаты. В несвободной стране, при тирании цензуры в сфере литературной деятельности и научного исследования открылась область вольного творчества, поскольку литературно оформленными оказываются не только описания природы и любовных переживаний у классиков реализма, но также и хроникальные заметки летописца, визионерские откровения агнографа, рассудочные или же патетические увещания проповедника, полемические трактаты и молитвенные обращения к Господу. Лучшие филологические силы собрались вокруг Лихачева, и скоро стало возможным говорить о новой школе в текстологии, о новой школе литературного анализа. Даже после эпохи «*Sturm und Drang*» начала века этой школе нашлось чем заняться в древнерусской письменности. Полномасштабное применение текстологического анализа привело к тому, что из вспомогательной дисциплины по розыскам «лучшего списка» текстология превратилась в средство создания литературной истории отдельного произведения. В результате объем научных знаний о древнерусской книжности возрос многократно. Литературный быт и литературный процесс Древней Руси сделались в той же мере доступными исследованию, как ее литературные шедевры. В поле зрения науки вошли региональные книжные центры и вместе с ними много новых имен писателей средневековья. Возникли предпосылки не только для составления каталога сохранившихся письменных источников, но и для выяснения отношения между ними, а это уже начало научной истории предмета. Пожалуй, школа не восприняла от своего основателя способности к широким обобщениям и глубине эстетического анализа, ибо это искусство дается как дар, а не навык. И все же стремление к вскрытию эстетической природы литературного произведения, равно как потребность рассмотреть отдельный ли-

литературный факт во всем многообразии его связей знакомы в той или иной степени всем исследователям постлихачевской формации.

Ни одно другое литературоведческое направление в истории нашей страны не имело столь сильного влияния на общество. Идеи, рожденные при изучении древней письменности, нашли применение в сфере искусства, связь слова и образа сделалась зримой и слышимой. Лингвисты также взялись за освоение текстологических методов, чтобы надежнее связать языковые изменения с хронологией и исторической диалектологией. История литературного языка Древней Руси стала не только предметом университетских лекций, но и академических исследований.

Пропасть, отделившая древнерусскую культуру от культуры новой России, была углублена и расширена эпохой воинствующего атеизма, — и ничто другое не способствовало в такой мере ее преодолению, как труды Д. С. Лихачева. В сфере эстетических категорий, в сфере духовности, свободной от ритуала, оказалось возможным преодоление исторически обусловленного разрыва. В конце XX в. образованное русское общество стало ближе к культуре Древней Руси, чем это было в два предшествующих столетия. То, что прежде, по строгим оценкам, трактовали как несовершенное отражение византийской образованности, получило свое самостоятельное значение и заняло законное место в культурной истории Европы. Для красоты и духа нет столицы и провинции, потому произведения древнерусской литературы теперь переводят на другие языки.

Пробуждение нашей страны от кошмара тоталитаризма, от обморока застоя было одним из немногих событий, которые носили поистине всенародный характер. Блестящая, хотя и недолгая, политическая карьера в это время академика Лихачева свидетельствует о том, в какой мере распад, казалось, вечных устоев был следствием его трудов по освобождению общественного сознания от тяжелой болезни. В политической истории недавнего прошлого нам запомнилось несколько мгновений, когда именно он воплощал в себе совесть нации, был символом гуманности и чести. Историко-филологическая наука в России знает немало блистательных имен, среди них были честные труженики гражданской нивы — А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене, однако никто из наших говарищей по профессии не достиг таких внушительных результатов в своей общественной работе, как Д. С. Лихачев. Правда, лучшие его достижения на этом поприще обязаны вовсе не Фонду культуры, который ему пришлось возглавлять несколько лет. Он действует увереннее, когда не связан аппаратом и казенщиной. Крупным деятелям культуры присущ стихийный анархизм, поразительная эффективность их индивидуальных действий поддерживает нашу утопическую веру в царство свободы и справедливости на земле.

В эти последние годы с особой отчетливостью стало видно, что самым ценным созданием Дмитрия Сергеевича Лихачева является его личность и что его жизнь — одно из поучительнейших его произведений. Судьба не оставила его в стороне от главных событий страны, но Соловки и блокада, равно как темные десятилетия эпохи сталинских наследников, нашли в нем не замученную жертву, а верного свидетеля и строгого судью. Нет, он не был выше страданий, но Иов на гноище и сгорающий в мучительном огне Феникс говорят нам не о безысходности горя, а о возможности его преодоления. Кажется, эти образы могут дать правильное понимание характера Лихачева и его судьбы.

Долголетие невозможно без известных физических предпосылок и счастливой наследственности. Однако долгая жизнь Дмитрия Сергеевича несет на себе печать особой исключительности. Людям, которые близко знают его, открывается в нем одна замечательная черта — отсутствие равнодушия

к миру. Упрек, который заслужила Лаодикийская церковь — «ты не холоден, ни горяч», — меньше всего может быть обращен к нему. В этой горячности берут исток исключительная широта интересов, способность увлекаться людьми, идеями, мыслями. Потому в течение многих десятилетий так притягательна для русских и зарубежных славистов кафедра Отдела древнерусской литературы, где знают они, что слова их будут услышаны, поняты и истолкованы самым благожелательным образом. Но столь же резко и определенно проявляется его холодность, в которой берут исток его общественный темперамент, позиция борца. Потому не рассеивается толпа его посетителей, идущих к нему с заботами, жалобами, а порой и капризами. Эти горячность и холодность как два большие крыла поддерживают высокий и долгий полет.

Редакционная коллегия